

УДК 811.161.3'373.23

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ИМЕНОВАНИЙ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ВУЛЬКА ЛАВСКАЯ ПИНСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: женские антропонимы, состав, этимология, идентификация имяносителя, социокультурная информативность, прагматика имени

В статье приводится описание антропонимов, именующих жительниц отдельной деревни; определяется частотность разных имен, причины вариантности именований, способы обеспечения идентифицирующей функции имени. Устанавливаются социокультурные и прагматические характеристики женских имен в региональном ономастике.

S.A. Korolevich
A.S. Pushkin Brest State University

THE PECULIARITIES OF WOMEN NAMING CONVENTIONS IN THE SUBDIALECT OF THE VULKA LAVSKAYA VILLAGE

Key words: women anthroponomy, quantitative composition, etymology, identification of the name-bearer, sociocultural informativeness name pragmatics

The article describes the anthroponyms that refer to individual residents of a certain village; it defines the frequency of different names, the causes of name variation, the ways of ensuring the identification function of the names; establishes the sociocultural and pragmatic characteristics of the female names in the regional onomasticon.

Говор деревни Вулька Лавская Пинского района Брестской области интересен и в некоторых отношениях даже уникален. Он существует более трех столетий и на протяжении этого периода развивается в постоянно изменяющихся культурно-исторических условиях, потому что деревня, уроженкой которой я являюсь, в разное время была частью Речи Посполитой, Российского государства, Польши, СССР и Беларуси.

Исконно местная речь основывалась на говорах польского происхождения, так как это было отдельное селение представителей дворянского католического рода Марцинкевичей, возникшее во времена Речи Посполитой. На протяжении веков в силу социально-политических, культурно-исторических, миграционных процессов исконный говор деревни постепенно смешивался с говорами окрестных селений, впитывал некоторые особенности русской и украинской речи (от границы с Украиной Вульку отделяют около двух часов езды). В результате в конце XX в. диалектологи отнесли этот говор к переходным среднебрестским диалектам, к группе севернолужицких говоров [1, 11].

Однако и социальное происхождение основателей деревни, и ее географическое положение, и общественные катаклизмы, и контакты с иными языками, и собственное речетворчество жителей деревни всегда своеобразно сказывалось на разных составляющих говора нашего селения. Это в полной мере относится и к антропонимикону воленцев (жители Вульки Лавской исконно именуют себя *воленцы*, *воленец*, *воленка* – от польского *Wólka*), в частности к его женской подсистеме.

Состав жителей нашей деревни на пике ее развития – а это было в 60-е годы прошлого века – насчитывал около 330 человек, тогда как в наши дни их осталось чуть больше 40. Носительницами женских имен на протяжении шести последних десятилетий выступали 198 человек. Репертуар женских именований включал на протяжении названного временного отрезка 49 личных имен разного происхождения, функционировавших с неодинаковой степенью активности.

Этимологическая неоднородность женской подсистемы воленского антропонимикона связана с конфессиональной принадлежностью имяносителей, их возрастом, уровнем образованности и т.п. Центральное место занимают православные канонические имена, включённые в церковные календари и имеющие многовековую традицию бытования. Это имена греческого (*Анастасия, Александра, Василиса, Галина, Евдокия, Елена, Софья* и др.), древнееврейского (*Мария, Анна, Ева, Ада*), латинского (*Валентина, Татьяна, Наталья*), скандинавского (*Ольга*) происхождения. Все они принадлежат или принадлежали православным жительницам деревни, которые составляли абсолютное большинство женского населения Вульки Лавской. Аналогично функционировали и собственно русские имена, в том числе кальки с греческого (*Светлана, Вера, Надежда, Любовь*). Из традиционного католического календаря почерпнуты главным образом такие имена латинского происхождения, как *Алина, Ванда, Ирена, Кристина, Регина, Тереза, Эмма, Ядвига, Янина*. Их носителями выступают представители католического вероисповедания. Исключением является имя *Регина*, отмеченное как для 83-летней католички, так и для двух жительниц, исповедующих православие. Славянские двухосновные имена тоже носят и православные воленки (*Людмила*), и крещенные в католической вере (*Станислава*).

В именослове нашей деревни продуктивными актуальными именами были и остаются антропонимы *Нина, Мария, Галина, Елена, Анна, Наталья, Валентина* и др., типичные для жительниц разных поколений. Непродуктивные, устаревшие имена (*Ева, Евдокия, Василиса, Прасковья, Серафима*) принадлежали людям старшего поколения. Католические имена в этот период популярности не обрели, поскольку после войны в деревне осталось только шесть семей католиков, остальные либо были высланы в Сибирь накануне войны, либо выехали в Польшу.

Носителями новых, модных, экзотических для воленского говора антропонимов (*Изабелла, Лилия, Нонна, Нелли, Алла, Жанна*) становились только единичные представители поколения «детей», причем сначала в семьях местной интеллигенции, тогда как для старожилов названные имена не отмечены. Среди новых имен относительную популярность обрело лишь имя *Лилия* русско-болгарского происхождения [4, 307], которым именовались пять уроженок Вульки Лавской.

Наибольшей частотностью в женской подсистеме именований рассматриваемого периода отмечены антропонимы *Нина* (15 носителей), *Мария* (14), *Галина* (14). Несколько реже использовались имена *Вера, Елена* (по 10 имяносителей); по 9 жительниц деревни в разное время именовались антропонимами *Анна, Валентина, Евгения*; по 8 – *Софья, Наталья*; имя *Светлана* носили 7 воленок, *Татьяна* и *Ольга* – по 6. Для имен *Людмила, Лилия* отмечено по 5 носителей; *Лидия, Ирина, Тамара* – по 4; трижды в женском именослове деревни выступали имена *Александра, Антонина, Анастасия, Надежда, Регина, Таиса*; по 2 имяносителя были обладателями антропонимов *Василиса, Ева, Евдокия, Жанна, Зоя, Кристина, Прасковья, Раиса, Серафима, Янина*. Как единичные, соотносимые в говоре деревни лишь с одним носителем зафиксированы имена *Алина, Алла, Ванда, Дана, Екатерина, Зинаида, Изабелла, Ирена, Ксения, Любовь, Нелли, Нонна, Станислава, Эмма, Ядвига*.

Оним, в том числе и личное имя, должен, как известно, служить для выделения именуемого им объекта среди других объектов – его индивидуализации и идентификации [3, 95]. Однако в силу повторяемости имен специфической чертой женских антропонимов нашей деревни оказывается их идентификационная неполноценность: в большинстве случаев изолированное имя является недостаточным для выделения конкретного человека из жителей деревни. Информационная недостаточность личных имен канонического характера – это объективное следствие перенесения чуждой системы именования на русскую почву, возникшее в культуре восточных славян с принятием христианства и обязательным присвоением человеку при крещении календарного имени. При совпадении дат рождения могли совпадать и имена святых, в честь которых происходило имянаречение, что обусловило появление многочисленных тёзок. Не случайно последующая история развития антропонимической системы в языке и культуре восточных славян связана, главным образом, с поисками способов уточнения именования. Результаты таких поисков оказались многообразными. Сначала это было параллельное, наряду с христианскими, функционирование языческих имен с прозрачной внутренней формой. Позже закрепляется обязательное именование

лиц, обладающих высоким социально-сословным статусом, по отчеству; затем появляются «полуотчества», идентифицирующие людей среднего класса. Способом социально-статусной идентификации крепостных крестьян до XIX века включительно было использование «полуимен». Окончательное закрепление трехкомпонентных моделей именования, обеспечивающих, как правило, идентификацию любого лица, происходит в официально-деловом общении только к XX в.

В современных региональных говорах, где в первую очередь отражается сфера бытового общения, подобный способ идентификации лиц не уместен и потому не типичен. В нашей деревне, как, очевидно, и в других местных говорах, для индивидуализации жителей развились разнообразнейшие способы дополнительного именования. Они обуславливают варьирование компонентов как при дифференциации разных индивидов, имеющих одинаковые имена (например, *Мария – Маня Замуска, Манька Лемешэвска, Маруська Василькова, Маруся Гутарова, Марылька Евдосина, Богатчыха, Гутэнка, Тарасенчыха, Канадзка* и др.; *Анна – Анютка Базикова, Ганна Онысиha, Гандзя, Аня Дятлова, Аня Вицёва*), так и при идентификации одного именователя разными адресантами (*Софья – Софа, Софка, Сонька, Сонька Толёва, Сонька Рэнина, Сонька Павицёва; Тереза – Тэся, Тэська, Тэрезка, Тэся Янчына, Тэся Вацёва, Анёлок*).

Прежде всего, распространенный характер имеют *прозвища-апеллятивы*, которые являются однозначными в силу мотивированности. Это могут быть как прозвища отдельных женщин, так и семейные и родовые прозвища и использоваться изолированно или прибавляться к личному имени. Их способы образования содержат интересную информацию об истории деревни, о судьбах и характерах воленцев. Среди прозвищ отмечены именования, указывающие на предыдущее место проживания именователя (*Нина Рычканка* – из деревни Речки, *Гутэнка (Маня)* – из Гуты, *Шпановчанка (Маня)* – из Шпановок, *Жэня Абисинка* – с ныне не существующего хутора Абиссиния в окрестностях Вульки); или на особенности биографии (*Оля Деревяшка* – дочь женщины, потерявшей в годы войны ногу и носившей деревянный протез; *Канадзка (Маня)* – член церкви, опекаемой из Канады); или на особенности внешности (*Оля Роза* – женщина, называющая себя красавицей); или на своеобразие речи (*Оля Цётка* произносит бывшие полумягкие [д] и [т] в соответствии с нормами дзеканья-цеканья, несвойственными говору деревни) и т.п.

Некоторые прозвища-апеллятивы производны от андронимов, то есть антропонимов мужа, например: *Царыца (Татьяна)* – жена местного бригадира, носившего, как человек, обладающий наибольшей властью в деревне, прозвище *Цар*; *Дороженька (Ольга)* была женой местного деда, по прозвищу *Дороженьки*, которое возникло как следствие речевой привычки именно так обращаться к собеседнику.

Традиция опосредованного именования лиц женского пола – по мужу, или отцу, или другому родственнику, которая до сих пор сохраняется в местных говорах, зародилась на начальном этапе развития именослова. Ее истоки – в патриархальных обычаях Древней Руси, определяющих особое положение женщины в социальной иерархии, подчиненность женщины сначала родителям, а потом – мужу. Достаточно вспомнить *Ярославну* из «Слова о полку Игореве», названную по отцу, или обратиться к «Повести временных лет», где неоднократно отмечаются именования женщин по мужу: *Рече ему Яневая* [2, 222]; *Всеволодая же и митрополит придоста к Володимеру* [2, 254] и т.п.

В говоре Вульки Лавской опосредованное именование такого характера тоже выступает самым продуктивным способом при назывании женщин. При этом используются посессивы, во-первых, от личных имен отца или мужа в гипокористической форме: *Лиля Ветова* (от *Вето* – *Вячеслав*); *Зоня Валёва* (от *Валё* – *Валентин*), *Лиля Стахова* (от *Стахо* – *Станислав*) и др.; во-вторых, от прозвищ отца или мужа: *Нина Дятлова* (*Дятёл* – прозвище длинноносого человека); *Маруся Гутарова* (*Гутар* – переселенец из Гуты); *Нина Сынчыкова* (*Сынчык* – прозвище-деминутив от слова *сын*); *Маня Чомбина* (*Чомба* – человек, похожий на ангольского лидера Чомбе) и т.п.; в-третьих, от фамилии отца: *Ленка Королевичова* (от фамилии *Королевич*), *Маня Юнчыкова* (от фамилии *Юнчик*), *Вера Хоровцова* (от фамилии *Хоровец*). В идентификационной функции в обыденном общении для именования женщин не использовалась лишь фамилия *Марцинкевич*

вследствие ее «множественности». Она замещалась прозвищами посессивного характера, образованными от неофициальных имен глав рода, обычно деда или отца, например, *Павцёвы* ← *Павцё* (Павел Марцинкевич), *Базёвы* / *Базиковы* ← *Базё* / *Базик* (Василий Марцинкевич), *Домцёвы* ← *Домцё* (Доминик Марцинкевич), сравним: *Лена Павцёва* (внучка Павла Марцинкевича); *Тася Базикова* / *Базёва* (дочь Василия Марцинкевича), *Тэся Домцёва* (дочь Доминика Марцинкевича). Аналогичные посессивные прозвища возможны и от женских антропонимов: *Аня Жэнькина* (от имени *Жэнька* – *Евгения*); *Ганя Вина* (от *Вина* – *Серафима*); *Маруська Гэлечкина* (от *Гэлечка* – *Елена*), *Ганя Гутэнчына* (от прозвища *Гутэнка*), *Света Мальчышына* (от *Мальчыха*). Примечательны здесь многокомпонентные формулы типа *Лена Таси Мишкиной*, *Лена Рэни Павцёвой*, *Галя Мани Гутаровой* и т.п.

Идентификацию жительниц нашей деревни не менее успешно обеспечивают разговорные однословные суффиксальные дериваты с суффиксом *-их-а*, производные от гипокористических форм имен, от прозвищ и фамилий мужа: *Ясиха* (от имени *Ясё* – *Иван*), *Павциха* (от *Павцё* – *Павел*); *Маханиха* (от прозвища *Махан*); *Пригодичиха* (от фамилии *Пригодич*); *Янцевичиха* (от *Янцевич*), *Тарасенчиха* (от *Тарасенко*) и т.п. Однако эти разговорные номинации отмечены негативной коннотацией, имеют оттенок пренебрежительности и не используются в непосредственном общении, а лишь при назывании третьих лиц. При упоминании уважаемых лиц обычно использовались изолированные отчества, особенно если они были редкими и называли женщин зрелого возраста: *Ильинична* (звеньевая в колхозе), *Акимовна* (учительница местной школы), *Мefeldьевна* (ныне заведующая магазином) и т.п.

С целью дифференциации носительниц одинаковых имен могли использоваться и определенные гипокористические формы личного имени, закреплявшиеся за женщиной. Так, две носительницы имени *Серафима* именовались *Сэвэра* и *Вина*; три *Александры* – *Саша* (*Флёрова*), *Саня* (*Макарска*), *Шурка* (старушка из смоленских беженцев). Такая дифференциация проводилась в соответствии с физическими, психологическими, социально-возрастными или иными прагматическими признаками. Например, форма *Гэля* функционировала среди воленцев, чьи предки были из крестьян. При этом деминутивная форма *Гэлечка* использовалась при назывании Елены Кибак, невысокой пухленькой женщины, необычайно доброжелательной и мягкой, но ее соседка Елена Лешошко, высокая, худая, суховатая в обращении, именовалась только *Гэля Мэцёва*. Для *Елен* из семей старожилов деревни, предки которых были ее владельцами, использовались гипокористические формы *Лёля* (*Лёля Фанёва*, *Лёля Валина*). Елены, появившиеся позже, именуются *Лена*, *Ленка*. Интересны гипокористики от имени Евдокия: *Евда* (сухопарая, молчаливая, строгая старуха) и *Евдося* (маленькая, шустрая, вечно озабоченная мать многочисленной семьи); от имени Василиса: *Васа* (статная, красивая женщина) и *Васёнька* (маленькая, тощая, косоглазая); *Пракседа* и *Панька* (от *Прасковья*); *Настася* и *Насцечка* и мн.др.

Таким образом, анализ женских именований, бытующих в говоре моей родной деревни, показывает, что в именослове местного говора в спрессованном виде предстает многовековое развитие антропонимикона, выступая одновременно во всех тех проявлениях, которые имели место на разных этапах истории антропонимики.

Литература

1. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф.Д. Клімчук. – Мінск : Навука і тэхніка 1983. – 128 с.
2. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. – М.: Художественная литература, 1978. – 413 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
4. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.